

ЖЖВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 51

Выходить еженедельно (52 № в годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 24-го декабря 1905 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. К. Шеллера-Михайлова“ книга 49.

Въ святую ночь. Картина Вальтера Фирле.

Свиданіе.

Очеркъ И. Н. Потапенко.

Одного звали Васькой, другого Мишкой.

Они съ дѣтства были вмѣстѣ. Они и родились на одной недѣлѣ. Послѣ того, какъ ихъ отняли отъ матерей и они были предоставлены самимъ себѣ, ихъ можно было видѣть въ обоихъ сосѣднихъ дворахъ, мирно и дружно роющихъ одну общую яму гдѣ-нибудь подъ заборомъ, или подъ стѣнкой сарая.

Особенно это бывало пріятно въ жаркій-прежаркій лѣтній полдень. Солнце палило изо всей силы. Его прямыя горячіе лучи направлялись прямо въ ихъ выгнутыя спины, и имъ казалось, что съ неба сыплются струи раскаленного золота.

Тогда они искали прохлады и находили ее въ землѣ. Рыться въ черной влажной землѣ и, вырывши изрядную яму, улечься въ ней, прикасаясь къ ея прохладнымъ бокамъ своимъ разогрѣвшимся тѣломъ, это такое наслажденіе, съ которымъ можетъ сравниться развѣ одно: отыскавъ гдѣ-нибудь около дороги лужу отъ недавно выпавшаго дождя, забраться въ нее по самую шею и упиваться прохладною влагой.

Только подъ вечеръ они разставались, и то только потому, что принадлежали къ разнымъ дворамъ, гдѣ на ночь ихъ загоняли въ сарай и тамъ держали до утра.

Но раннимъ утромъ они опять были вмѣстѣ, сходились около кухни, гдѣ выбрасывали соръ, въ которомъ они отыскивали такія интересныя вещи, какъ корки отъ съѣденнаго вчера арбуза, кочанъ капусты и даже совершенно цѣльный огурецъ.

Когда наступила зима, ихъ дѣла нѣсколько ухудшились, имъ гораздо рѣже удавалось побыть вмѣстѣ. Большею частью жизнь протекала въ сараѣ, гдѣ было темно, холодно и неудобно. Тутъ у каждаго было по корыту, въ которомъ они находили и пищу и питье.

Однако, когда бывали солнечные дни, ихъ выпускали и они подавали другъ другу голось, узнавали его и одинъ изъ нихъ проникалъ сквозь дырку, пробитую ими же въ камышевомъ заборѣ, и они сходились на одномъ изъ дворовъ.

Это было радостное свиданіе пріятелей. Они тогда ходили по двору рядомъ, на своемъ странномъ языкѣ рассказывая другъ другу о пережитомъ.

Они не замѣчали, какъ росли. Изъ маленькихъ поросятъ съ розовой кожей, которая вся была видна сквозь тонкую щетинку, они превратились въ огромныхъ свиней, такъ что сосѣди про нихъ говорили:

— Ухъ, какіе славные!.. Вотъ колбасы у матушки и управительши къ Рождеству будутъ на славу!

Они это слышали, но не понимали, какая можетъ быть связь между ними, тѣмъ, что они славные, и тѣмъ, что у ихъ хозяевъ будутъ хорошія колбасы.

Они этого не понимали, но почему-то подобныя рѣчи пробуждали въ нихъ какое-то смутное непріятное предчувствіе.

Дѣло въ томъ, что матушка и управительша были сосѣдки и притомъ, надо это сказать, добрыя сосѣдки. У матушки и управительши было много дѣтей, и всегда матушка крестила у управительши, а управительша у матушки.

Управитель, который пользовался большою властью въ помѣщичьей экономіи, дѣлалъ батюшкѣ всякія одолженія, которыя, впрочемъ, ему ничего не стоили, именно: онъ позволялъ батюшкѣ держать въ помѣщичьемъ стадѣ десятокъ коровъ, которыя вмѣстѣ съ помѣщичьими пались на помѣщичьихъ лугахъ. Когда поспѣвало сѣно, онъ присылалъ батюшкѣ первый возъ зеленой пахучей отавы, и мало ли еще что.

Если батюшкѣ нужно было подковать лошадь, то онъ отсылалъ ее прямо въ помѣщичью кузницу, и кузнецъ подковывалъ ее безъ всякихъ разговоровъ, даромъ. Точно также если у батюшки въ экипажѣ сломалась ось или что-нибудь другое, или надо было сдѣлать новый шкворень—все это дѣлалъ кузнецъ изъ помѣщичьей кузницы.

Съ своей стороны и батюшка не оставался въ долгу и дѣлалъ управляющему многія одолженія, которыя, впрочемъ, тоже не приносили ему убытка.

Такъ, во время церковной службы, онъ поминалъ имена управляющаго и его жены и всѣхъ его дѣтей на ряду съ именами людей, внесшихъ за это ленту. Отъ управляющаго же не требовалось никакой ленты. По воскресеньямъ и большимъ праздникамъ послѣ обѣдни батюшка высылалъ управительшѣ просфору, которую та бережно и съ благоговѣніемъ уносила домой.

Во время говѣнья, въ великомъ посту, когда прихожане наканунѣ причастія толпились въ церкви около столика и батюшка, накрывъ прихожанина эпитрахилью, допрашивалъ его о грѣхахъ и затѣмъ прощалъ ему эти грѣхи, управитель и управительша никоимъ образомъ не смѣшивались съ толпой. Батюшка назначалъ имъ отдѣльный часъ и говорилъ съ ними о грѣхахъ долго и основательно, такъ какъ естественно, что у значительныхъ людей и грѣхи должны быть значительные.

А когда наступалъ день причастія, управитель и управительша обыкновенно стояли впереди всѣхъ и имъ первымъ доставалось причастіе.

Всѣ эти уважительныя дѣйствія цѣнились обѣими сторонами, и потому сосѣди жили въ полномъ мирѣ и согласіи. Нѣкоторое предпочтеніе, сообразно званію, конечно, отдавалось батюшкѣ, такъ что, напримѣръ, разговлялись на Пасхѣ и на Рождествѣ управитель и управительша въ домѣ батюшки, а потомъ уже вечеромъ батюшка съ матушкой приходили къ нимъ въ гости.

Очень естественно, что такія отношенія, неизмѣнно поддерживавшіяся между хозяевами, распространялись и на всѣ принадлежности сосѣдскихъ хозяйствъ. Напримѣръ: въ то время, какъ деревенскія собаки, принадлежавшія къ разнымъ дворамъ, при встрѣчѣ обыкновенно останавливались другъ передъ другомъ, искоса поглядывали другъ на друга, затѣмъ, оскаливъ зубы, начинали злостно и продолжительно рычать, — собаки батюшки и управляющаго, когда встрѣчались, задрывъ хвосты кверху, пускались въ переголку или начинали весело бороться, валяясь въ пескѣ. Гуси и утки вмѣстѣ плавали по пруду и иногда вечеромъ представлялось затруднительнымъ отдѣлить ихъ, и даже случалось, что матушка, не досчитавшись пары утокъ или гусака, говорила:

— Ну, это, значитъ, они у управительши заночевали; пусть себѣ переночуютъ тамъ.

И дѣйствительно, на утро оказывалось, что матушкины утки или гусакъ мирно переночевали у управительши, найдя тамъ дружеское гостепріимство, и затѣмъ возвратились въ хозяйское лоно.

Работники обоихъ дворовъ не только не враждовали, но нерѣдко стоваривались, какъ бы поискуснѣе обокрасть хозяина—все равно какого—батюшку или управляющаго, и, утащивъ мѣшокъ пшеницы, общими силами сбывали его кабатчику и дружно пропивали.

Поэтому и наши герои водили между собою такое дружество, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что у нихъ всегда были одинаковые интересы, а также и въ томъ, что ихъ ожидала одинаковая судьба.

Но прежде чѣмъ судьба ихъ опредѣлилась, до ихъ слуха доходили дружескіе разговоры матушки съ управительшей (ни батюшка, ни управляющій въ эти дѣла не вмѣшивались. У нихъ и безъ того было много дѣла—у батюшки по части спасенія душъ его прихожанъ, а у управляющаго по части помѣщичьяго хозяйства).

— Какъ вы думаете, Анна Григорьевна, — говорила матушка управительшѣ: — не пора ли нашихъ молодцовъ посадить въ сажъ?

— Ахъ, нѣтъ, матушка, — отвѣчала управительша: — вѣдь теперь еще только двадцатое октября, а я замѣ-

тила, что, когда ихъ слишкомъ долго держать въ сажу, такъ они дѣлаются рыхлые, сало у нихъ выходитъ слишкомъ жирное, а колбасы слишкомъ жесткія... По-моему, раньше половины ноября ихъ сажать не слѣдуетъ.

Матушка, очевидно, соглашалась съ этимъ, потому что никуда ихъ не сажали. Но то, что они слышали, наводило ихъ на нѣкоторое сомнѣніе. Опять они слышали о колбасахъ и какъ будто въ связи съ ихъ особами... Рѣшительно не могли они понять, что все это значитъ.

О колбасахъ они имѣли понятіе, не разъ они видѣли, какъ ихъ выносили изъ кладовки и ѣли. Видѣли они и сало. Но какимъ образомъ изъ нихъ могло выйти и то и другое, этого они рѣшительно не представляли себѣ.

И вотъ, однажды — это было въ половинѣ ноября, — они увидѣли, что около сараевъ въ обоихъ дворахъ появились какія-то новыя постройки. Въ обоихъ дворахъ онѣ были почти одинаковы. Это были небольшие досчатые сарайчики, похожіе на домики, только безъ оконъ. Сзади въ нихъ вела маленькая дверца, а спереди во всю ширь были придѣланы корыта, къ которымъ изъ сарайчика хода не было, а была дыра такой величины, что каждый изъ нихъ могъ просунуть въ нее голову.

— Ну, теперь пора, — сказала управительна матушкѣ. — Теперь самое время. Вы, чѣмъ думаете кормить, матушка?

— Да чѣмъ же? Я полагаю, лучше ячменной запарки ничего не придумаешь.

— Такъ-то оно, такъ, матушка, — ячменная крупа, это — само собою разумѣется — первое кушанье для этого случая; а только совѣтую вамъ для разнообразія хоть два раза въ недѣлю примѣшивать пшеничныхъ отрубей. Ужъ повѣрьте, отъ этого вреда не будетъ, а будетъ польза. Вы увидите, что это какъ нельзя лучше скажется на колбасахъ.

Послѣ этого разговора друзей разлучили. Одно посадили въ постройку, которая находилась во дворѣ батюшки, другого въ ту, которая была во дворѣ управляющаго. И здѣсь началась для нихъ новая жизнь — странная, какой они никогда еще не испытали и про которую ни одинъ изъ нихъ не могъ достоверно сказать, хорошая она или дурная.

Въ сажу (такъ называлась эта постройка) было совершенно темно. На досчатомъ полу была настлана солома, и каждый день приходилъ работникъ, забиралъ и выбрасывалъ въ маленькую дверцу старую солому и накладывалъ новую.

Въ такія минуты со двора въ сажу врвался холодный воздухъ отъ котораго дрожь пробѣгала по тѣлу, а въ остальное время въ сажу было очень тепло, совершенно, какъ въ кухнѣ. Изъ круглой дыры, которая вела къ корыту, во всякое время шелъ приятный ароматъ запаренной ячменной крупы, и обитателямъ сажы ежеминутно хотѣлось просунуть морду къ корыту и лакомиться этимъ кушаньемъ, котораго всегда было вдоволь, и они это дѣлали каждую минуту. Но иногда въ кушаньѣ чувствовалась прибавка пшеничныхъ отрубей; это его не только не портило, а скорѣе даже улучшало.

Первое время оба очень скучали другъ по другѣ. Воспоминаніе о столь приятно проведенныхъ вмѣстѣ дняхъ нѣсколько отравляло удовольствіе отъ такой спокойной и сытой жизни. Но мало-по-малу они привыкли къ одиночеству и стали проводить жизнь съ пріятностью.

Въ теплѣ, на мягкой соломѣ, среди глубокой тишины, никуда не нужно было ходить, чтобы промыслить о пищѣ, не нужно было рыться въ землѣ, чтобы добыть какой-нибудь корешокъ сомнительной питательности. Все было здѣсь близко, стоило только проткнуть голову къ корыту. А послѣ сытной пищи такъ сладко спалось.

И оба, каждый порознь, чувствовали, что отъ такой пріятной жизни тѣла ихъ полнѣютъ и прибавляются въ вѣсѣ. Иногда работникъ приходилъ къ нимъ съ фонаремъ, въ которомъ горѣла свѣча, и осматривалъ ихъ.

Повидимому, онъ оставался ими доволенъ. Онъ одобрительно похлопывалъ ихъ по боку и говорилъ:

— Ну, и молодчина же! Вотъ молодчина! Ну, скажу я вамъ, — говорилъ онъ, обращаясь въ маленькую дверцу, за которой во дворѣ, должно-быть, стояла хозяйка. — Ну, и колбасы же будутъ, прямо на славу!

Вотъ при этихъ словахъ на нихъ нападало странное чувство смущенія. Опять эти колбасы! Почему они всегда, какъ только заговорятъ о нихъ, сейчасъ вспоминаютъ о какихъ-то колбасахъ?..

Послѣ этого на нѣкоторое время настроеніе ихъ портилось и имъ даже не хотѣлось высовывать морды къ корытамъ. Но это проходило, и жизнь въ сажу текла своимъ обычнымъ порядкомъ.

Подошла послѣдняя недѣля Филиппова поста. Въ воздухѣ уже висѣли рождественскіе праздники и всѣ къ нимъ готовились.

Изъ длинныхъ и высокихъ трубъ, которыя возвышались надъ «кѣминами» и «кабыдами», сняли висѣвшіе тамъ окорока, достаточно уже прокоптившіеся дымомъ.

Молодые парни накупили себѣ на базарѣ новыхъ червонныхъ поясовъ, которые, какъ извѣстно, неотразимо дѣйствуютъ на сердца деревенскихъ дивчатъ.

Большіе сапоги, у кого только они были, во всей деревнѣ, были смазаны великолѣпнымъ чистымъ дегтемъ, а у дивчатъ, само собою разумѣется, у которыхъ нашлись для этого деньги, появились новыя наміста (бусы) и черевички съ подковками.

Что произошло на этой недѣлѣ въ сажу — во дворѣ батюшки и управляющаго — мы объ этомъ лучше не будемъ говорить. Достоверно извѣстно только одно, что въ корыта уже больше не подсыпали запаренной ячменной крупы, да и самыя постройки скоро были разобраны и отъ нихъ не осталось и слѣдовъ.

А то, что случилось съ обоими пріятелями, покрыто тайной, такъ какъ оба работника — и батюшкинъ и управительнъ — совершали свою работу въ сараяхъ съ плотно притворенными дверями раннимъ-раннимъ утромъ, когда на небѣ еще догорали послѣднія звѣзды, а солнце еще и не подумало о томъ, чтобы вставать, а лѣживо нѣжилась себѣ въ постели.

Вечеромъ, наканунѣ Рождества, отъ матушки принесли къ управительшѣ посылку, а отъ управительши точно такую же посылку принесли къ матушкѣ. Обѣ были очень тронуты и желѣли передать хозяйкамъ благодарность.

А въ самый день Рождества, когда послѣ обѣдни къ батюшкѣ пришли управляющій съ своей женой, будучи приглашены къ столу, и начали разговляться, — на столѣ, на кругломъ блюдѣ, лежали куски великолѣпнаго сала, розоваго и прозрачнаго, какъ щечки молоденькой дѣвушки.

И матушка, потчужа управительшу, говорила:

— Попробуйте, Анна Григорьевна, сало — вотъ это отъ нашего Васьки, а это, которое вы мнѣ прислали вчера, отъ вашего Мишки. Вотъ попробуйте то и другое, и не различите, увѣряю васъ, не различите...

Не успѣла управительша, какъ слѣдуетъ, попробовать два сорта сала, какъ на столѣ подали сковороду, на которой два кольца колбасы, сильно зарумяненные отъ жару, еще подпрыгивали въ кипящемъ салѣ.

— Вотъ это, Анна Григорьевна, — сказала матушка: — которая побольше, это — отъ нашего Васьки, а вонъ та отъ вашего Мишки. Вотъ попробуйте и, ей-же-ей, такой вкусъ, какъ будто отъ одного. Только вы въ свои чуть-чуть больше чесноку положили...

— Ахъ, — говорилъ батюшка, обращаясь къ управляющему и вмѣстѣ съ нимъ пробужая сало и колбасу отъ Васьки и отъ Мишки: — дивны дѣла Божіи!.. Вотъ они всю жизнь дружили, вмѣстѣ росли, даже родились на одной недѣлѣ. И вотъ на одной сковородѣ ихъ изжарили!.. Вотъ, гдѣ они свидѣлись!.. Какъ все это мудро устроено!.. Прямо удивительно!.. Да, дивны дѣла Божіи!..

Человѣкъ, потерявшій сердце.

Рождественская сказка
Г. Т. Сѣверцева (Полилова).

I.

Звонко призывали церковные колокола къ молитвѣ. «Бумъ-бамъ-бимъ! Бумъ-бамъ-бимъ», — гармонично переливается въ морозномъ воздухѣ ихъ перезвонъ, несясь съ колокольни, стоящей за густой стѣной старыхъ деревьевъ, расцвѣченныхъ искрящимся, точно драгоценные камни, инеемъ.

Гдѣ-то, за широкимъ пространствомъ рѣки, точно слабымъ эхомъ, отзывалась дряблая мѣдъ колоколовъ слободского храма.

Красивымъ, сильнымъ звукомъ «бимъ» прозвучалъ го-

родской перезвонъ и замолкъ на высокой нотѣ, высоко-высоко—растаявъ въ небѣ.

Хорошій звонарь Иванъ Двуниткинъ. Нѣтъ ему подобнаго въ цѣломъ городкѣ. Нечего говорить, любить онъ это дѣло, и у него нѣтъ лучшаго наслажденія, какъ «поиграть маленько съ колоколами», по его выраженію.

Двуниткинъ не звонарь по профессіи, онъ простой штучникъ-портной, но слава объ его искусномъ звонѣ распространилась далеко за предѣлами городка.

Портной-звонарь мѣстная знаменитость, и, какъ у знаменитости, у него свои капризы и привычки. Его приглашаютъ звонить, какъ гастролера, во все городскіе храмы на большіе праздники.

Церквей въ городкѣ цѣлыхъ восемь, но къ рождественской службѣ, а равно и при встрѣчѣ архіерея, набъжающаго нерѣдко въ городокъ, Двуниткинъ соглашается звонить только у «Солунскаго», т. е. въ церкви св. Дмитрія Солунскаго.

На вопросъ горожанъ, почему онъ отдаетъ предпочтеніе этому храму, портной добродушно улыбается, глубокомысленно собираетъ въ ладонь свою жиденькую, торчащую въ разные стороны, рыжеватую бородку и, послѣ минутнаго раздумья, рѣшительно отвѣчаетъ:

— Потому что вы все неучи и дураки!

«Неучи и дураки» не сердятся за подобное названіе на портного и ожидаютъ его дальнѣйшаго объясненія, которое сейчасъ и слѣдуетъ:

— Колокола въ ладъ у «Солунскаго» подобраны, разъ; трещинъ, пленокъ тамъ, что ли, ни единой, ни на одномъ, вылиты какъ есть въ пленорцію, два; да и колокольня ловко поставлена, звонъ окрестъ летитъ, не то что на соборной, зъ логъ прячется, или у Вознесенья по низинѣ плачемъ госкливо разливается, это три! Понять изволили, господа горожане?—насмѣшливо кончилъ Двуниткинъ.

— Понять-то поняли,—чесали затылки «господа горожане», состоявшіе преимущественно изъ мелкихъ базарныхъ торговцевъ и мѣщанъ:—а вотъ все жъ намъ невдомекъ, почто ты

о великъ день въ соборѣ языками на колокольнѣ играешь, а объ Рождество не идешь туда?

— Тутъ загвоздка другая!—хитро подмигнувъ однимъ глазомъ, проговорилъ портной и, наслаждаясь недоумѣніемъ своихъ слушателей, томилъ ихъ отвѣтомъ.

— Какъ застынетъ наша рѣбонка-матушка, какъ поляжетъ снѣжокъ-то бѣленькій, чистенькій по пригоркамъ да кручамъ, запорошитъ логи и рытвинки, звонъ-отъ совѣмъ иначе разносится. А заскрипитъ морозъ трескучій, одѣнетъ деревца въ брильянты да самоцвѣтъ, тутъ и совѣмъ моихъ мѣдныхъ пріятелей не узнаешь—тѣ, да не тѣ.

— Отчего же это случается, дядя Иванъ?—загугорили ревнители «благопристойнаго звона».

— Эхъ, вы, несмышленки! Въ тѣ поры Творецъ небесный всю нечисть-то, что мы своими грѣшными устами извергаемъ, злобу нашу, ненависть, всю нашу скверну снѣжкомъ-то своимъ чистымъ къ землѣ попритаивить, благовѣсту и нѣту препоны въ воздухѣ разносится...

— То-то по лѣту какъ колокольный звонъ глушится!—перебилъ его одинъ изъ «горожанъ».

Портной презрительно на него поглядѣлъ:

— Глушится! Тоже сказалъ. Иной разъ совѣмъ не летитъ съ колокольни, точно топоромъ «чикъ» и смолкъ. Противъ «Солунской»-то, ишь, садъ какой густой; какъ это вдаритъ въ край колокола, а онъ, сердешный, запоесть, звонъ полетитъ, да между деревьями-то, въ вѣтвяхъ, съ морозомъ и начнетъ разговоръ.

— Вонъ оно, дѣло-то какое. Дошлый же ты парнюга, Иванъ! Мастакъ, одно слово!—раздались восклицанія среди слушателей.

Ободренный ими, портной продолжалъ свои объясненія.

— Бумъ-бамъ-бимъ! заговорили мои голубчики мѣдью старинною, а серебро, что въ нее примѣшано, свою звонкую пѣсню подбѣваетъ, а деревья въ ту пору на время проснутся отъ зимней спячки и, точно струнами, вѣтвями заиграютъ, гудомъ своимъ со звономъ переливаются... Съ нами Богъ, съ нами Богъ! благовѣстятъ. Звоню я въ тѣ поры, а самъ плачу, таково-то отрадно мнѣ на душѣ становится, точно меня превыше всѣхъ на землѣ поставили.

Слушатели, пораженные словами рассказчика, молчали, а по щекамъ портного катились слезы.

И переполнялся весь берегъ рѣки въ канунъ Рождества любителями «малиноваго звона» еще до перваго удара въ колоколъ. Лишь только въ пролетахъ высокой колокольни при храмѣ Дмитрія Солунскаго блеснетъ огонекъ фонаря, съ которымъ взбирался Двуниткинъ, вся толпа сразу встрепенется, чутко ожидая начала стройнаго разговора колоколовъ съ заснувшими на зиму гигантами-деревьями.

И не можетъ досыта наслушаться, насладиться этимъ чуднымъ благовѣстомъ, заставляющимъ радостно трепетать всѣ сердца.

II.

Нѣтъ, не у всѣхъ радостно билось сердце въ эту минуту...

Никита Максимчиковъ слушалъ вдохновенный благовѣстъ безучастно. Да это и было понятно—у него не было сердца—онъ его, какъ самъ говорилъ, потерялъ...

Ни жена его, Авдотья Семеновна, никто изъ дѣтей, которыхъ у Максимчикова было четверо, не знали, какъ это случилось.

Но потеря эта сильно подѣйствовала на богатаго мѣщанина.

— Ты, того, знаешь, — сказалъ онъ женѣ, съ недовольнымъ видомъ поглядывая на дѣтей, аппетитно унысывавшихъ за обѣщаніемъ гречневую кашу: — поменьше бы дѣтей кормила, да и сама не набѣдалась бы много...

Изумленно взглянула на него жена; ескуловать муженекъ ея—это правду сказать, а въ пицѣ никогда не выгадывалъ, по возразить Никитѣ ничего не посмѣла, приказъ его исполнила—стали ѣсть всѣ поменьше.

Максимчиковъ все же не унимается, ворчитъ попрежнему, кускомъ хлѣба жену и дѣтей коритъ:

— Обѣдали ненасытные! Только бы вамъ жрать дендешней!

А куда тутъ, иной день и горячаго Авдотья не варить, пожуютъ чертоваго хлѣбушка, водичкой запьютъ, вотъ и вся недолга. Ребятки отъ голода пухнуть, а молчать, тятку

тревожить бояться, знаютъ сердешные отъ мамки, что у него потеря великая случилась, сердце потерялось.

— Оттого, голубенки мои, онъ и ѣсть велитъ поменьше, что о сердцѣ своемъ скорбитъ!—оправдывала передъ дѣтьми мужа Авдотья.

Домикъ свой, а ютятся всѣ въ углу въ подвалѣ, сырость, холодъ зимой, да и одежда у всей семьи плохая. Хорошее же помѣщеніе Никита подъ богатыхъ людей отдалъ, плату съ нихъ получаетъ, другой, такой же подвальчикъ, какъ сами они жили, сняла у него одна бѣдная вдова. Вязала она варежки, носила на базаръ продавать, да кое-какъ впроголодь этимъ и питалась.

— Ты, того, Марья, за мѣсяць мнѣ полтину серебра не заплатила, — значительно сказалъ ей Никита: — ждаль, пока ты мнѣ уплатишь, не буду, а выгоню въ зашей изъ подвала, такъ ты это и знай!

Бѣгала, бѣгала, хлопотала баба весь день, къ вечеру безъ денегъ домой вернулась; дѣвчонка маленькая у нея была, сидитъ голодная у холодной печурки и плачетъ.

— Вотъ бѣда пришла къ намъ, Мароуня, — заплакала въ свою очередь и вдова: — ни денегъ, ни ѣды, да и протопить нечѣмъ.

— Достала, Марья, денегъ?—сурово спросилъ Никита.

Заплакала вязальщица.

— Какое тамъ достала! ѣсть себѣ да дѣвчонкѣ нечего.

Къ Максимчикову подошла Мароуня.

— Дяденька Никита, пожалѣй ты насъ съ мамкой, дай ты намъ пожевать хлѣбушка.

— Убирайтесь вы вонъ изъ подвала. Какой тамъ еще хлѣбушка, развѣ не слышали, что я свое сердце потерялъ, нѣтъ у меня съ той поры никакого хлѣбушка!—сердито закричалъ Никита, и какъ давеча утромъ сказалъ вдовѣ—такъ и поступилъ сейчасъ, выгналъ ихъ на морозъ на улицу.

Заплакала еще сильнѣе вдова и ребенокъ и ушли изъ подвала.

Въ дверяхъ имъ попалась навстрѣчу Авдотья.

— Выгналъ насъ твой-то на морозъ!—заявила Марья.

— Не вини, тетка, мово мужа, иначе онъ ничего не можетъ сдѣлать, груститъ очень о потерянномъ своемъ сердцѣ!—возразила Авдотья.

Печально посмотрѣли обѣ женщины одна на другую и молча разошлись. Онѣ поняли другъ друга. Не легко жилось имъ обѣимъ.

Между тѣмъ Никита ничего не думалъ о тѣхъ, которые плачутъ отъ голоду, ему было все равно, что будетъ съ его женою и дѣтьми.

Онъ вѣдь потерялъ свое сердце.

Сегодня, какъ нарочно, былъ Рождественскій сочельникъ. Плачущей Марьѣ, идущей со своей голодной Мароуней куда глаза глядятъ, попался навстрѣчу портной-звонарь.

— Куда Богъ несетъ, тетенька Марья?—привѣтливо спросилъ онъ вдову.

Прерывающимся отъ слезъ голосомъ рассказала она Двуниткину про свое горе.

— Вотъ оно дѣло-то какое, — задумчиво промолвилъ портной и подергалъ за козырь свой картузь, точно сомнѣваясь, тутъ ли, на головѣ ли еще онъ находится.

— Ты бы, голубчикъ, помогъ Никитѣ-то поискать его сердце, авось не такимъ лютымъ бы сталъ, какъ оно бы нашлось.

— Что-жъ, тетенька, подмогу Максимчикову, пощущу съ нимъ вмѣстѣ сердце-то, — согласился звонарь-любитель и, вытаскивъ завалившійся у него мѣдный пятакъ, отдалъ вдовѣ.

— Спасибо, родный, что не забылъ меня про великъ праздникъ, — низко поклонилась ему женщина.

И они разошлись.

«Отчего-жъ въ самомъ дѣлѣ, не помочь въ добромъ дѣлѣ, найти Никитѣ потерянное сердце? — разсуждалъ самъ съ собою Двуниткинъ. — До вечерняго звона еще время не мало, поискать вдвоемъ съ нимъ можемъ, авось и найдемъ.»

Портной твердо рѣшилъ оказать помощь Максимчикову и прямо зашагалъ къ нему въ подвалъ.

III.

— А что, тятка дома?—спросилъ портной сдѣвшихъ по лавкамъ оборванныхъ, полуголодныхъ ребятъ.

— Дома-то дома, дяденька Иванъ, — отвѣтилъ старшій мальчикъ: — только больно онъ занятъ теперь... сердце все свое ищетъ.

— Ну, значить, я къ разу поспѣлъ! — весело отозвался гость. — Подмогу ему охотно, гдѣ тятка-то?

— Въ пустомъ свинятникѣ, тамъ у него нонѣ все хламье свалено.

Портной не сталъ больше разспрашивать ребятъ и, выйдя во дворъ, направился къ еде державшейся, содрѣвшей отъ ветхости, свиной закутѣ.

Максимчиковъ копошился внутри пристройки.

— Съ наступающимъ праздникомъ, дядя Никита, — сказалъ Двуниткинъ, еле пролѣзая въ низенькое отверстіе.

Хозяинъ испуганно обернулся и захлопнулъ крышку стараго большого сундука; видимо онъ былъ недоволенъ приходомъ гостя.

— А я къ тебѣ помогать пришелъ, — весело продолжалъ портной, точно не замѣчая его неудовольствія: — пропашку твою отыскивать.

— Да, бѣда моя великая, запропастилось сердце-то мое, отыскать не могу, — захныкалъ хозяинъ.

— Двоемъ-то искать сподручнѣе, скорѣе найдемъ...

— Куда ужъ тутъ найти, все, до послѣдней тряпочки перерылъ, сгинуло, пропало безъ слѣда.

— А ну-ка, примемся еще разокъ сызнова, — предложилъ портной: — все перетряхнемъ, переглядимъ, авось и удачи добьемся.

Не хотѣлось видимо Никитѣ поддускать чужого человѣка къ сундуку, но портной не сталъ долго ждать. Приоткрылъ крышку сундука, и прежде чѣмъ Максимчикову удалось ее снова прихлопнуть, всунулъ полюбно между ней и стѣнками и началъ быстро рыться въ тряпцѣ.

Съ помутившимся взоромъ смотрѣлъ на него Никита, трепещущими руками стараясь оторвать портного отъ сундука.

— Постой, дядя, не мѣшай, дай кончить, — спокойно отвѣчалъ Двуниткинъ, продолжая рыться въ тряпцѣ.

Максимчиковъ совсѣмъ потерялся, не зная, какъ поступить со своимъ непрошеннымъ помощникомъ.

— Нашелъ что-то мягкое, — торжествующимъ голосомъ замѣтилъ заонарь и вытащилъ изъ сундука большую пачку крупныхъ ассигнацій.

Никита хотѣлъ вырвать ихъ у него изъ рукъ, но Двуниткинъ не далъ и сталъ развертывать пачку.

— Такъ и есть! Вонъ оно у тебя куда попало! — торжествующе проговорилъ портной, вынимая изъ пачки какой-то маленькій, запlesenъвшій, затхлый комочекъ, похожій на высохшій грецкій орѣхъ.

— Вотъ твое сердце, я нашелъ его; да развѣ можно за-

вертывать его въ ассигнаціи и билеты и прятать въ сундукъ? Сознайся, дядя Никита, — обратился портной къ хозяину: — ты вѣдь самъ его завернулъ и сюда спряталъ?

— Самъ, — еле слышно отвѣтилъ Максимчиковъ.

— Да развѣ можно такъ поступать. И здоровымъ оно у тебя быть не можетъ, и благовѣста моего чрезъ свою обертку не услышитъ никогда. Посмотри, какое оно стало чертвое, жизни въ немъ нѣтъ. Лучше возьми ты его съ собой, Никита

— А деньги-то, ассигнаціи?.. — прохрипѣлъ хозяинъ.

— Чудакъ ты, право, пріятель, онѣ вредъ твоему сердцу приносятъ, а ты о нихъ заботишься. Я ихъ отдамъ твоей женѣ, пусть о дѣтяхъ твоихъ, да о Марьѣ вдовѣ съ дочуркой позаботится.

Никита стоялъ, точно сраженный громомъ; переданное ему портнымъ сердце стало понемногу шевелиться.

— Мнѣ же какъ быть безъ нихъ? — растерянно спрашивалъ онъ портного.

— Да какъ раньше жилъ, такъ и живи. Нашлось теперь сердце, — семью не мори голодомъ, помѣщение отведи имъ лучшее. Марью съ сиротой прими въ свой домъ обратно, пригрѣй, накорми, уголь дай; нищимъ, убогимъ помогай! — продолжалъ портной учить Никиту.

Внимательно слушалъ послѣдній звонаря, а сердце его все сильнѣе и сильнѣе билось и росло.

— Видишь, какое у тебя стало большое сердце, не прячь его въ ассигнаціи, какъ раньше, и все пойдетъ ладнѣе! — закончилъ Двуниткинъ свои наставленія. — Пора и мнѣ на колокольню, — прощаясь съ хозяиномъ, сказалъ портной звонарь: — ишь, звѣздочка какая яркая загорѣлась на небѣ. Христосъ родился. Царь вселенной между нами на землѣ. Нужна Его скорѣе, нашего Творца, благовѣстомъ достойнымъ встрѣчать.

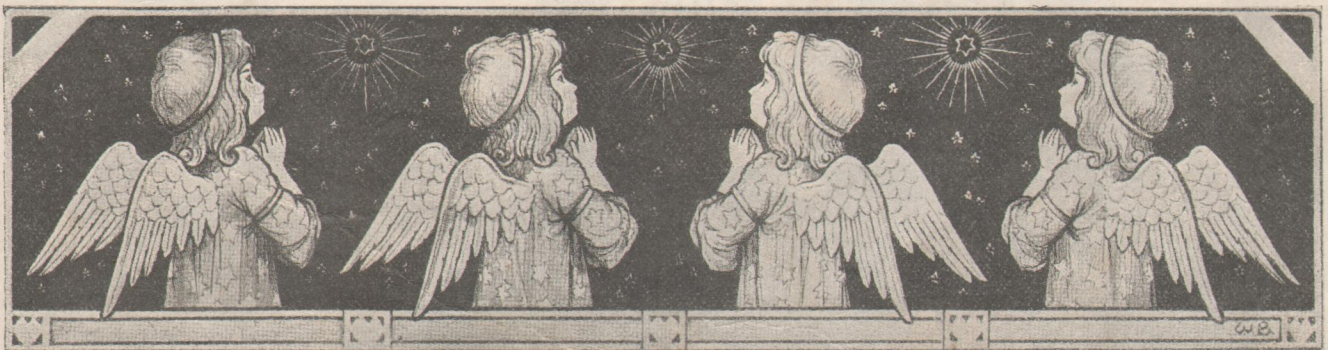
И Двуниткинъ ушелъ изъ дома Максимчикова.

Скоро заговорилъ звучный колоколъ у «Солунскаго». Торжественно сталъ разносить онъ людямъ дорогую вѣсть о рожденіи Искупителя міра.

Радостно снова забились всѣ сердца. На этотъ разъ и Никита радовался со всѣми вмѣстѣ, и его найденное звонаремъ сердце счастливо трепетало вмѣстѣ съ другими. Жена его, Авдотья, дѣти и вдова Марья съ Мароуней радовались, что Никита нашелъ свое потерянное сердце, имъ не нужно было болѣе голодать, холодать и ютиться въ сыромъ подвалѣ.

А колокола весело переговаривались съ проснувшимися деревьями стараго сада, вмѣстѣ съ ними сливавшими свой гармоническій гулъ въ торжественную пѣнь всего міра:

«Съ нами Богъ».

ВѢТВИ елки.

Умирая, дитя повторяло въ бреду:

«Мама, гдѣ ты? Одна я въ тѣнистомъ саду!

«Мама, ближе, родная, присядь на постель...

«Видишь, темнымъ шатромъ наклонилась ель...

«Птицъ не слышно, не видно ни травокъ, ни розъ;

«Снѣгомъ бѣлымъ закрылъ всѣ дорожки морозъ;

«А вдали, видишь, мама, все ярко блеститъ:

«Тамъ красивая елка огнями горитъ,

«А надъ ней, точно куполь съ блестящей звѣздой,

«Сводъ небесный нависъ и манитъ синевой.

«Мама, мама, пойдемъ... Какъ прекрасенъ мой садъ!

«Видишь, ангелы тихо надъ елкой летятъ...

«Дорогая, прижмись же ко мнѣ, обними...

«Мнѣ такъ чудно въ саду... Меня манятъ они!..»

Утромъ къ кладбищу тихо ребенка несли;

Пѣснь прощанья, рыдая, звучала вдали;

Огорченная мать шла за гробомъ одна;

Пусто было кругомъ, даль темна и мрачна;

Плачь мятели звучалъ, завывая, глухой...

Смятый ельникъ лежалъ на дорогѣ большой...

Кн. Ф. Касаткинъ-Ростовскій.

Сошествіе во адъ.

Картина проф. В. М. Васнецова, авт. «Нивы».

В а н я.

Рождественский рассказ

В. Евстафиевой.

Ее тяжелое разочарование. Она с таким нетерпением ожидала того дня, когда ей исполнится шестнадцать лет, когда она из девочки превратится во взрослую барышню, оденет длинное кисейное, «в мужики», платье и пойдет на свой первый бал. Она так мечтала об этом платье! И вдруг... мать объявила ей сегодня, что платья не будет и что о балу и думать нечего, что средств на это нет.

Эти ужасные слова как громом поразили ее. Милочка к этому совсем не была подготовлена. Она так избалована, так привыкла к роскоши, которая ее окружала еще так недавно. В ее хорошенькой головке никак не могла выветриться мысль, что со смертью отца изсяк источник этой роскоши, что полтора года, прошедшие со дня его кончины, совершенно разрушили ее материальное благополучие и создали ей новую, полную горя и лишений, жизнь, о которой она не имела ни малейшего представления. Она пришла из института домой на рождественские праздники с завидной мечтой о первом балу, и вот эту мечту пришлось теперь хоронить. Это было ужасно.

В дом шли приготовления к сочельнику; но Милочка, все поглощенная своим горем, ничего не замечала. Порой она поднимала от подушки свое заплаканное личико и, обращаясь к стоявшему перед ней гимназисту лету 19, с отчаянием повторяла:

— Ты понимаешь, Вани, это была моя мечта, завидная мечта!.. — и, забывая на минуту о своем горю, она продолжала:

— Мы с Таней Лукинской... помнишь Таню? Еще такая маленькая, рыженькая?..

Гимназист кивнул головой.

— Так вот, мы с Таней все мечтали о первом балу и решили, что у ней должно быть розовое кисейное платье, а у меня — белое в мужики... А мама сегодня сказала... что и ей-то не в чем идти со мною, что она все... все хорошее продала... Не будет моего бала... моего первого бала... — через слезы договорил Милочка и снова, уткнувшись в подушку, разрыдалась.

Ваня стоял над плачущей сестрой и что-то соображал. Потом неровной, угловатой походкой направился в переднюю. Проходя мимо комнаты Анны Николаевны, своей мачехи, он с безпокойством оглянулся на дверь, как бы желая удостовериться в том, что он может уйти незамеченным, и стал торопливо одевать пальто.

— Ах, оставь меня в покое! — раздался в соседней комнате раздраженный голос Анны Николаевны. — Я уже тебе сказала, что елки не будет. А если ты не перестанешь хныкать, то и тебя выгону вон из моей комнаты.

Это энергичное предупреждение, однако, не помогло. Через минуту до слуха Вани долетел еще более резкий возглас мачехи: «Так ты так слушаешь маму?... Марши в детскую!» На пороге с шумом отворившейся двери появилась Анна Николаевна, ведя за руку упиравшуюся и горько плакавшую девочку лету пяти. — «Марши!» — повелительно повторила Анна Николаевна, толкая девочку по направлению к детской.

— А ты куда это опять отправишься? — недовольным тоном спросила Анна Николаевна, увидев Ваню в пальто и с фуражкой в руке.

— Я сейчас... то-есть скоро приду, — ответил Вани, угрюмо смотря в сторону и неловко напяливая на себя фуражку.

Анна Николаевна остановила на юноше свой холодный, почти враждебный взгляд и тем же недовольным тоном произнесла:

— Мне очень не нравится твое постоянное отсутствие. Не понимаю, куда ты все ходишь? Вот уже два месяца, как ты дома бываешь только во время еды. Ты даже не считаешь нужным говорить мне, куда ты идешь. А ведь вся ответственность за твое поведение лежит на мне. Посторонние люди могут сказать, что я для тебя злая мачеха, что я не занимаюсь твоим воспитанием, что я не уберечь тебя от дурного влияния...

— Но, уверяю вас, мамаша, что я ничего дурного не делаю. Я иду на репетицию.

— Ну, сегодня-то уж мог бы посидеть и дома. Ведь знаешь, что перед праздником много работы. Мог бы в чем-нибудь помочь мне. Да, кстати, почему это ты всегда запираешь на ключ дверь в свою комнату?

Юноша сморщился; густой румянец покрыл его щеки.

— Так... у меня там... боюсь, что Соня и Митя мои книги попортят... бумаги порвутся...

— Какая заботливость! Давно ли ты стал беречь свои книги? — поджимая губы, процедила Анна Николаевна и, круто повернувшись, пошла в свою комнату.

Вани посмотрел вслед уходившей мачехе и, нахлобучив фуражку, поспешно вышел из дому.

В столовой все еще плакала Милочка. В детской Соня и семилетний Митя, перебивая друг друга, рассказывали старушкиням, какая у них была давно-давно чудная огромная елка. Они с огорчением жаловались няне, что Боженька взял их папу и что мама говорит, что елки уже больше никогда не будет. Лиц их были печальны.

Старушка-няня ласкает детей, гладит их головки и в утешение рассказывает о чудном Божественном Младенце, который много лет тому назад родился в пещере. Что большая звезда появилась тогда на небе и привела пастухов и волхвов в ту пещеру, где в яслях на сене почивать Спаситель мира. Долго говорит няня о Чудном Младенце. Дети жмутся к старушке и, забыв о своем горю, с восторгом и любопытством слушают простой и таинственный рассказ своей няни.

А в это время в спальне на неубранной постели сидит Анна Николаевна и думает свою невеселую думу. Мысли вереницей проходят в печально склоненной головке. Вспомнилась ей девичья жизнь в доме родителей, жизнь безбедная, беззаботная; годы учения, подруги по гимназии; вот и желанный шестнадцатый лет — она уже была взрослая барышня. Каким ярким, заманчивым казалось ей будущее. Сердце радостно билось и

рвалось навстрѣчу этому неизвѣстному, но милому будущему... Семнадцати лѣтъ она страстно влюбилась и вышла замуж за молодого вдовца. Мужъ ее любилъ и баловалъ. Ничто, казалось бы, не должно было омрачать счастливыхъ дней новобрачныхъ; но, однако, у семейнаго очага ихъ не рѣдко происходили горячія вспышки, а порою и продолжительныя ссоры. Анна Николаевна, безумно любившая своего мужа, не могла примириться съ мыслью, что другая женщина была еще такъ недавно близка и дорога ей мужу. Что эта женщина оставила, какъ залогъ своей любви, годового ребенка, котораго отецъ обожалъ. Этотъ ребенокъ, этотъ капризный, некрасивый и вѣчно пасмурный ребенокъ, Ваня, кидавшій на нее исподлобья злобные взгляды и отвѣчавшій на каждую ласку отца самой горячей порывистой лаской, казалось ей, отнималъ отъ нея сердце ея мужа. Этотъ ребенокъ и былъ всегда причиной разлада въ ихъ жизни. Она возненавидѣла его и съ трудомъ сдерживала въ себѣ это непріятное чувство. И теперь вотъ, сидя на кровати, вспоминая свою прошлую жизнь, она ни на секунду не задумалась надъ своимъ несправедливымъ, недружелюбнымъ отношеніемъ къ пасынку. Она думала только о своихъ дѣтяхъ, о грозившей имъ бѣдности. Она находила, что судьба несправедлива и къ ней.

«Вотъ до чего я дожила,—думалось ей:—до того, что сижу одинокая, вѣсны забытая. Дочь Людмила еще слишкомъ молода, слишкомъ эгоистична для того, чтобы понять всю тоску разбитого сердца, всѣ заботы и огорченія матери-семьянинки, оставленной на тяжеломъ жизненномъ пути, безъ средствъ къ жизни, безъ подготовки къ самостоятельному труду».

И вспомнилось ей, какъ много лѣтъ тому назадъ, молодая, цвѣтущая, окруженная богатствомъ, нѣжной заботливостью мужа и толпою поклонниковъ, она проповѣдывала идею равенства. Она страстно увлекалась этой идеей и тономъ непоколебимаго убѣжденія утверждала, что давно прошло то деспотическое время, когда жена зависѣла отъ мужа, что теперь жена — такой же равноправный членъ семьи, какъ и мужъ, и что даже жена и мать — гораздо больше значить въ семьѣ, чѣмъ мужъ...

Вспомнила Анна Николаевна свое молодое самонііе и горько улыбнулась.

— Да,—прошентала она:—равноправность моя осталась, а все остальное—въ могилѣ!

Анна Николаевна, несмотря на свои 35 лѣтъ и красивую еще наружность, со смертью мужа стала считать себя старухой. Всецѣло отдавшись воспитанію дѣтей и оберегая ихъ, насколько возможно, отъ нужды и лишеній, она почти забывала себя. Только тоска по любимомъ мужѣ да вѣчный страхъ за будущее дѣтей мучили ее постоянно. Чувство одиночества и безпомощности росло въ ней съ каждымъ днемъ все сильнѣй и сильнѣй. И сегодня, вотъ, это тоскливое чувство не даетъ ей покоя. Она вспомнила прежніе рождественскіе праздники, роскошный ужинъ, толпу нарядныхъ веселыхъ гостей, и сердце ея тихонько жалось. Она тяжело вздохнула и, смахнувъ слезинку, медленно поднялась съ кровати.

Пора было накрывать на столъ. Уже смеркалось. На потемнѣвшемъ небосклонѣ кое-гдѣ показались звѣзды, пролившій мягкій серебристый свѣтъ на погружавшуюся во мракъ землю.

— А гдѣ же Ваня? Опять его нѣтъ? —спросила Анна Николаевна, садясь за столъ, вокругъ котораго въ ожиданіи обѣда сидѣли одѣтые по-праздничному Митя и Соня и грустная, съ распухшими отъ слезъ глазами, Милочка. — Вѣчно онъ гдѣ-то пропадаетъ!—раздраженно докончила Анна Николаевна, принимаясь наливать дѣтямъ уху.

Видя, что мама сердита, дѣти присмирѣли и молча стали ѣсть. Въ маленькой уютной столовой царитъ тишина, нарушаемая только стукомъ ложекъ о тарелки. Но вотъ и онъ стихъ. Все сидѣть молча и неподвижно, углубившись каждый въ свою думу. Только маленький краснощекий Митя озвращаетъ кругомъ, словно ищетъ чего-то. Наконецъ, онъ обернулся къ стоявшей за его стуломъ нянѣ и шопотомъ спросилъ:

— Няня, а ангелочки уже прилетѣли?

— Прилетѣли, прилетѣли, родной мой. Будь паинькой, какъ я тебя учила, а то они улетятъ и елочку назадъ къ Боженькѣ унесутъ.

При этихъ словахъ Анна Николаевна сдѣлала нетерпѣливое движеніе и рѣзко замѣтила:

— Ты, няня, рассказывай дѣтямъ сказки когда-нибудь въ другое время, а не за столомъ.

— Да нѣшто это, барыня, сказки? Я имъ только сказала, чтобы чинно себя вели, а то елки не получать.

— Получать или не получать—это мое дѣло!—перебила ее Анна Николаевна.—А ангелы-то тутъ при чемъ?

— Какъ при чемъ?—обиженно спросила старуха. —Извѣстное дѣло, что въ сочельникъ ангелы Господни промежъ хорошихъ людей летаютъ и милость Божью разносятъ. Кто чего хочетъ, то отъ Господа и получаетъ. А дѣтямъ одна радость—елка да гостинцы, больше имъ ничего не надо. Вотъ Боженька имъ эту радость черезъ своихъ ангеловъ и посылаетъ, ежели они хорошо себя ведутъ,—наставительно докончила няня, глядя Митю по головкѣ.

— Мама, мама, Ваня писоль!—радостно вскрикнула Соня, увидѣвъ черезъ полуоткрытую дверь проходившаго по коридору брата.

— Ну, пришелъ такъ пришелъ. Чего же ты кричишь-то?—раздраженно сказала Анна Николаевна и, обращаясь къ вошедшему черезъ минуту въ столовую пасынку, сурово спросила:

— Гдѣ ты былъ?—и, не дожидаясь отвѣта, добавила:—Ты бы хоть немножко почие одѣлся по случаю праздника. Гостей хотя и нѣтъ, а все же слѣдуетъ быть попрличнѣй. Посмотри, на что ты похожъ?—и она брезгливо указала на его короткую, всю въ пятнахъ куртку.

Юноша густо покраснѣлъ.

— У меня ничего другого нѣтъ, все уже износилось,—отвѣтили онъ, глядя въ тарелку.

— А твои репетиціи? Вѣдь ты зарабатываешь больше 20 р. въ мѣсяцъ.

— Я почти все отдаю вамъ,—тихо сказала Ваня и исподлобья съ упрекомъ посмотрѣлъ на мачеху.

Анна Николаевну уколотъ этотъ отвѣтъ, и она, больше ничего не сказавъ, отвернулась къ дѣтямъ.

— А я у Вани видѣла большую калитину,—сказала вдругъ Соня, нарушая наступившее тягостное молчаніе.—Она лежала на полу и Ваня все по ней лязными календасигами водилъ; большая-плетенная!—протянула дѣвочка и, оттопыривъ свои розовыя губки, добавила:—Ваня все отъ меня двели запилялъ, а я все видѣла, видѣла.

— Что это, ты живописью забавляешься? Поздравляю. Хорошее занятіе для ученика восьмого класса, у котораго выпускные экзамены на носу!—съ иронической улыбкой протянула Анна Николаевна.

Ваня ничего не отвѣтилъ и низко наклонилъ голову надъ тарелкой.

Онъ привыкъ къ враждебному отношенію къ себѣ мачехи, но сегодня ему было особенно тяжело выслушивать эту колкость. Его приподнятое, радостное настроеніе сразу исчезло, сердце болезненно сжалось и передъ мысленнымъ взоромъ его снова предстали грустныя картины недавняго дѣтства и юношества. Не испытывавшій нѣжной материнской ласки, Ваня росъ въ семьѣ какъ чужой. Отецъ его любилъ, но, занятый службой, рѣдко былъ въ кругу семьи. Энергичный, дѣятельный и вѣчно занятый крайне отвѣтственными инженерными работами, онъ не баловалъ дѣтей особенной нѣжностью и къ Ванѣ, относился, какъ и къ прочимъ дѣтямъ, спокойно и сдержанно. Но какъ радостно билось сердце Вани, когда отецъ, замѣтивъ несправедливое отношеніе къ нему мачехи, ласковыми словами старался его утѣшить. Но это случалось не часто. Время шло. Изъ необщительнаго, забитого ребенка, Ваня сталъ юношей, сознательно относившимся къ своему положенію въ семьѣ. Обращеніе мачехи не сдѣлалось лучше, хотя онъ и старался не давать ей повода высказывать свое недоброжелательство. Всегда почтительный и вѣжливый, онъ спокойно переносилъ ея рѣзкости, что, видимо, еще болѣе раздражало ее.

Но вотъ умеръ отецъ. Условия жизни Вани и всей семьи круто измѣнились. Роскошная обстановка, обширный кругъ знакомыхъ, веселая, беззаботная жизнь—все это исчезло какъ по мановенію волшебнаго жезла. Отецъ ничего не оставилъ семьѣ, кромѣ маленькой пенсіи, которой еле-еле хватало на то, чтобы не умереть съ голоду.

Изъ большой богатой квартиры Анна Николаевна съ семьей переехала въ крошечныя четыре комнатки, и тутъ вотъ началась новая, полная горя и лишеній жизнь. Ванѣ тогда пошелъ восемнадцатый годъ.

Видя тяжелое положеніе семьи, онъ разыскалъ себѣ репетиціи и изъ заработанныхъ денегъ сталъ платить за свое ученіе въ гимназіи и мачехѣ за комнату, которую занималъ.

Анна Николаевна вначалѣ рѣшительно отказалась брать отъ Вани эту плату, но потомъ, скрѣпя сердце, согласилась принять эту помощь отъ нелюбимаго пасынка.

Ваня усердно работалъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ окончанія курса гимназіи, мечталъ о поступленіи въ технологическій институтъ. Завѣтной мечтой его было: стать на ту же дорогу, по которой шель его отецъ. Онъ поставилъ себѣ цѣлью возстановить матеріальное благосостояніе своей семьи, разрушенное преждевременной смертью отца, и, торжествуя нравственную побѣду надъ ненавидящей его мачехой, прекратилъ этотъ многолѣтній гнетъ вражды. Ему болыно было выслушать незаслуженный упрекъ Анны Николаевны, но онъ скрылъ обиду и, почтительно поцѣловавъ руку мачехи, по окончаніи обѣда ушелъ въ свою комнату.

Анна Николаевна посмотрѣла вслѣдъ уходящему пасынку и, покавъ плечами, молча встала изъ-за стола.

Милочка тяжело вздохнула и переехала отъ стола на свой любимый диванъ; няня, шепнувъ что-то на ухо дѣтямъ, поспѣшно увела ихъ въ дѣтскую.

Грустное, подавленное настроеніе овладѣло Анной Николаевной. Она долго ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, видимо не замѣчая ни убравшей со стола служанки, ни неподвижно сидѣвшей на диванѣ Милочки. Ея мысли опять устремились въ прошлое, и снова, помимо воли, возстановлялась въ памяти прежняя счастливая и беззаботная жизнь съ мужемъ. Веселый и привѣтливый, несмотря на то, что всегда былъ обремененъ работой, мужъ ея умѣлъ вселять во всѣхъ особенное жизнерадостное настроеніе.

«Какая поразительная разница въ характерахъ между отцомъ и сыномъ!—подумала Анна Николаевна, представляя себѣ молчаливаго, необщительнаго Ваню.—Должно-быть, пошелъ въ мать!»—и снова чувство ревности, когда-то такъ сильно ее мучившее, шевельнулось въ ея сердцѣ. Она круто повернулась и хотѣла идти въ свою комнату, какъ вдругъ надъ самымъ ея ухомъ раздался торопливый голосъ Вани.

— Мамаша, Милочка, пойдите в мою комнату. Я там дѣтямъ сюрпризикъ приготовилъ. Сюю и Митю нужно позвать скорѣй,— заторопился онъ и уже совершенно растерянно проговорилъ:—и имъ елочку, маленькую елочку приготовилъ и уже зажечь.

— Ты?.. Дѣтямъ елку?...—какъ бы не довѣривъ своимъ ушамъ, спросила Анна Николаевна и съ удивленіемъ на него посмотрѣла.

Онъ поднялъ на нее свои сѣрые глаза и, виновато ей улыбувшись, тихо отвѣтилъ:

— Да, я. Я только это скрывалъ отъ васъ, хотѣлъ сюрпризикъ сдѣлать дѣтямъ.

Аннѣ Николаевнѣ не вѣрилось, что этотъ неуклюжій, всегда суровый и, какъ ей казалось, равнодушный къ семьѣ Юноша приготовилъ подобный сюрпризъ.

А Ваня уже бѣжалъ въ дѣтскую и громко кричалъ:

— Соня, Митя, Боженька вамъ елку послалъ. Идите скорѣй въ мою комнату!—и снова помчался назадъ за сестрой и мачехой, которыхъ уже засталъ у своихъ дверей.

Небольшая комнатка Вани была чисто имъ самимъ убрана. Столъ и стулья отодвинуты къ стѣнѣ. Посреди комнаты, вся сверкая огнями, стояла небольшая нарядная елка.

Вбѣжавшія дѣти съ восторгомъ смотрѣли на нее и, радостно хлопая въ ладоши, весело повторяли:

— Боженька намъ елку послалъ, Боженька добрый!

Милочка, забывъ свое горе, радостно бросилась къ подошедшему брату и съ любопытствомъ спросила:

— Ванюша, скрытный, скверный, да когда же это ты успѣлъ все купить и приготовить?

— Я и еще кое-что успѣлъ приготовить, для тебя и мамы,— сказалъ онъ, видимо смущаясь.— Соня, это тебѣ,—говорилъ онъ, подавая дѣвчонкѣ большую нарядную куклу съ бѣлоснежными длинными локонами, вызвавшую самый бурный восторгъ Сони.—А это тебѣ,—и онъ подаль Митѣ высокую, на колесахъ лошадку, на которую мальчуганъ сейчасъ же и уселся, погоняя ее и бросая на сестру побѣдоносные взгляды храбраго Ыздока.

— Смотри, Соня, не подходи близко къ лошади, а то раздавить!— крикнулъ Ваня и, дѣлая видъ, что очень ее боится, прижался къ стѣнѣ.

Анна Николаевна съ улыбкой взглянула на неловкаго юношу и противъ воли остановила на немъ умиленный и ласковый взоръ. Она смотрѣла на раскрасѣвшееся отъ радостнаго волненія лицо Вани, на его глаза, весело сверкавшие изъ-подъ густыхъ бровей, и съ изумленіемъ замѣтила въ немъ поразительное сходство съ покойнымъ мужемъ.

«Отчего я раньше этого не замѣчала?»—мысленно упрекнула себя Анна Николаевна и все ласковѣе всматривалась въ преобразившееся лицо Вани.

Какъ непохожъ былъ этотъ теперешній веселый взоръ его на тотъ суровый исподобья взглядъ, къ которому такъ привыкли всѣ его окружающіе.

Словно лучъ весенняго солнца, растопилъ этотъ взоръ ледяную кору, столько лѣтъ покрывавшую сердце Анны Николаевны, и со дна души ея вызвалъ небывалое доселѣ нѣжное чувство къ недолгому пасынку.

— Мамаша, а это вотъ я вамъ приготовилъ,—проговорилъ Ваня, и несмѣло подаль Аннѣ Николаевнѣ небольшой футляръ.

Она съ любопытствомъ раскрыла его, и сердце ея радостно забилось. Въ футлярѣ, на малиновомъ плюшѣ, лежала давно желанная ею золотая брошь съ раскрашенной фотографіей ея мужа.

Анна Николаевна, въ первый разъ за всѣ 18 лѣтъ, крѣпко, съ любовью поцѣловала склоненную голову юноши.

Онъ порывисто отвѣтилъ на эту ласку, горячо прижавъ къ своимъ губамъ ея руку. Потомъ быстро подошелъ къ столу и развернулъ какой-то свертокъ.

— Ах!—вскрикнула Милочка и бросилась къ столу. Передъ нею Ваня держалъ прозрачную бѣлую кисею въ мушки.

Милочка даже замурилась отъ радости. Она видимо не довѣряла собственнымъ глазамъ. Подарокъ былъ слишкомъ неожиданъ.

— А здѣсь и мамѣ на платье,—говорилъ Ваня, развертывая второй свертокъ и вынимая изъ бумаги сѣрую блестящую полупелюковую матерію.

— Теперь ты можешь подъ Новый годъ ѣхать съ мамой на твой первый балъ.

Онъ свѣтло улыбуясь, посмотрѣвъ на озаренное счастьемъ лицо сестры, и ласково добавилъ:

— Теперь ты вѣдь больше плакать не будешь?

— Ванюша, милый, голубчикъ!—взволнованно проговорила Милочка и стремительно бросилась на шею брата.

Кисей и матерія соскользнули со стола на полъ, но дѣвушка, не обращая на это вниманія, душила брата въ своихъ горячихъ бурныхъ объятіяхъ, поминутно повторяя:

— Ванюша, я не знала, какой ты хороший! Ты добрый, славный, и я крѣпко, крѣпко люблю тебя..

Анна Николаевна подняла съ пола матерію и тоже подошла къ Ванѣ.

— Да пусти же меня, стрекоза,— шуточно замѣтила она дочери,—

и тоже хочю поцѣловать и поблагодарить Ваню.—Мягкимъ жестомъ отстранивъ дѣвушку, она нѣжно привлекла къ себѣ сконфуженнаго юношу и, ласково глядя въ глаза, тихо проговорила:—Ваня, ты сегодня принесъ намъ всѣмъ большую радость. Милый мой мальчикъ, спасибо тебѣ.

Она въ первый разъ назвала его «милымъ», въ первый разъ съ нѣжной лаской, а не со строгимъ выговоромъ, обратилась къ нему. Подъ заскакивающимъ добрымъ взглядомъ большихъ черныхъ глазъ Анны Николаевны, юноша забылъ свое одинокое безрадостное дѣтство, забылъ горечь незаслуженныхъ обидъ. Душа его, такъ давно жаждавшая любви и участія, сразу раскрылась, и онъ, примиренный и счастливый, довѣрчиво встрѣтилъ горѣвшій неподдѣльнымъ чувствомъ любви взоръ мачехи.

Они долго молча стояли, крѣпко прижавшись другъ къ другу. Казалось, эта надломленная жизнью женщина искала опоры въ этомъ сильномъ, полномъ энергіи, молодомъ существѣ.

А вокругъ нихъ жизнь кипѣла ключомъ. Соня и Митя, весело и громко покрикивая, носились вокругъ елки, глядя жадными глазами на аппетитный лакомства. Милочка, что-то наивъвая и чему-то улыбаясь, рассматривала бѣлую кисею. На порогѣ стояла старушканинъка и, съ добродушной улыбкой поглядывая на ликующихъ дѣтей, тихонько шептала:

— Слава тебѣ Господи, слава Создателю! Дождались и мы радостнаго праздника!

— Но скажи же мнѣ, скажи откровенно,—спрашивала немного погодя Анна Николаевна, усаживая около себя пасынка:—что это тебѣ вздумалось устраивать эту елку? На какія средства?

— О, объ этомъ я давно думаю,—глубоко вздохнувъ, проговорилъ Ваня.—Я носился съ этой мыслью цѣлый годъ. Видя передъ собой постоянно, какъ вы перебиваетесь изо дня въ день, я сталъ искать, кромѣ уроковъ, еще другой какой-нибудь работы. Мой знакомый, губернской архитекторъ, далъ мнѣ чертить планы..

— Это, должно-быть, тѣ, которые видѣла Соня и назвала картинами?—живо спросила Анна Николаевна.

— Тѣ самыя,—отвѣтилъ Ваня.—Я въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ почти не спалъ надъ ними. Мнѣ хотѣлось заработать на елку дѣтямъ.. Я хотѣлъ помочь вамъ.. А сегодня,—уже торопливо продолжалъ онъ, точно боясь, что не успѣетъ всего высказать:—сегодня, когда я увидѣлъ слезы Милочки, я не выдержалъ, пошелъ къ архитектору и взялъ впередъ у него денегъ на платя и на шитье ихъ. Я потомъ все, все отработаю,—краснѣя отъ волненія и радости, говорилъ юноша.

— Но, Ваня, вѣдь тебѣ эта работа не по силамъ,—вырвалось у Анны Николаевны.—Это ты ужъ слишкомъ. Я не могу тебѣ этого позволить. Не могу.. Я..

— Ничего, ничего, мамаша,—живо прервалъ ее Ваня.—Обо мнѣ не беспокойтесь, я сильный, могу много работать, я вѣдь—въ папу.. Вотъ только бы вамъ съ дѣтями перебиться, пока я буду въ технологическомъ институтѣ, а потомъ.. потомъ мы заживемъ такъ же, какъ при папѣ,—докончилъ онъ уже весело и весело-самоувѣренно тряхнулъ густыми волосами.—Правда, Милочка?..—и, не дожидаясь отвѣта, вскопчилъ со стула и подбѣжалъ къ своей младшей сестренкѣ.

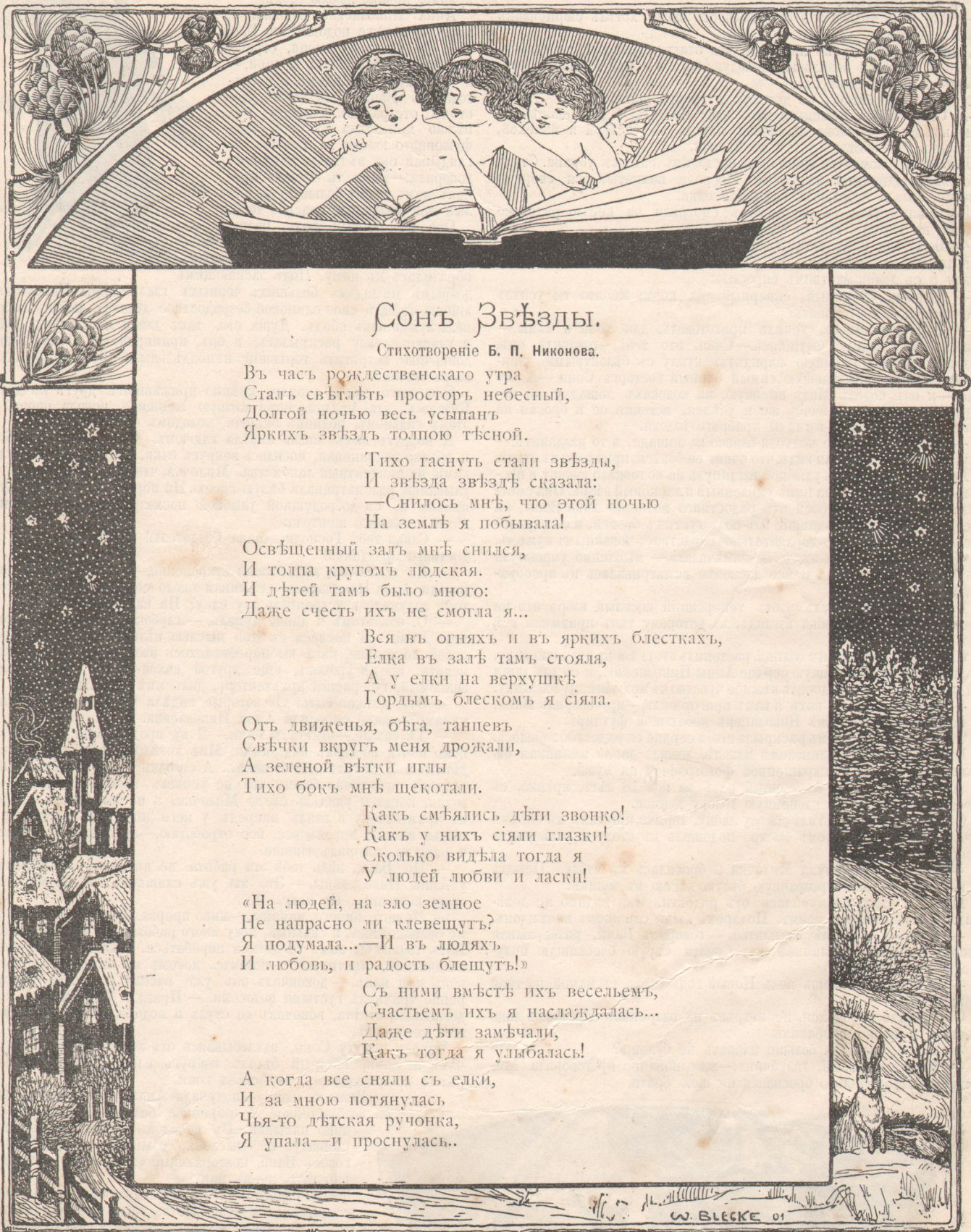
Черезъ минуту Соня, захлебываясь отъ хохота, сидѣла на плечахъ у Вани, который бѣгалъ вокругъ елки, догоняя Митю, и ржалъ по-лошадиному, изображалъ коня.

«Всѣ въ отца!»—подумала Анна Николаевна, глядя на возбужденное и озаренное безпредѣльной радостью лицо пасынка. Въ веселомъ шумѣ, наполнявшемъ комнату, ей мысленно слышится самоувѣренный голосъ Вани, повторяющій: «я сильный, могу много работать, я—въ папу!»

Тихое радостное чувство овладѣло ею. Отъ недавняго раздраженія и недовольства жизнью не осталось и слѣда. Угнетавшая ее тоска, трепеть передъ неизвѣстнымъ будущимъ своихъ дѣтей исчезли, словно туманъ при восходѣ солнца.

Она видитъ впереди мощную фигуру пасынка, смѣло вступившаго на дорогу своего отца, она видитъ протянутую ей сильную руку, и снова звучатъ его слова: «я сильный, я—въ папу!»

СОНЪ ЗВѢЗДЫ.

Стихотвореніе Б. П. Никонова.

Въ часъ рождественскаго утра
 Сталь свѣтлѣть просторъ небесный,
 Долгой ночью весь усыпанъ
 Яркихъ звѣздъ толпою тѣсною.

Тихо гаснуть стали звѣзды,
 И звѣзда звѣздѣ сказала:
 —Снилось мнѣ, что этой ночью
 На землѣ я побывала!

Освѣщенный залъ мнѣ снился,
 И толпа кругомъ людская.
 И дѣтей тамъ было много:
 Даже счесть ихъ не смогла я...

Вся въ огняхъ и въ яркихъ блескахъ,
 Елка въ залѣ тамъ стояла,
 А у елки на верхушкѣ
 Гордымъ блескомъ я сіяла.

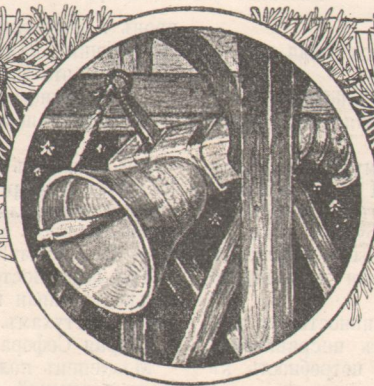
Отъ движенья, бѣга, танцевъ
 Свѣчки вокругъ меня дрожали,
 А зеленой вѣтки иглы
 Тихо бокъ мнѣ щекотали.

Какъ смѣялись дѣти звонко!
 Какъ у нихъ сіяли глазки!
 Сколько видѣла тогда я
 У людей любви и ласки!

«На людей, на зло земное
 Не напрасно ли клевету?
 Я подумала...—И въ людяхъ
 И любовь, и радость блещутъ!»

Съ ними вмѣстѣ ихъ весельемъ,
 Счастьемъ ихъ я наслаждалась...
 Даже дѣти замѣчали,
 Какъ тогда я улыбалась!

А когда все сняли съ елки,
 И за мною потянулась
 Чья-то дѣтская ручонка,
 Я упала—и проснулась..

Молитва Колокола.

Стихотвореніе Георгія Аркатова.

Колоколь, колоколь!

Въ полночь святую ты громче звени,
Въ громкой мольбѣ, къ небесамъ улетающей,
Муки людей помяни!..

Звѣздною полночью
Въ часъ, когда мѣръ и спокоенъ, и тихъ,
Звонко повѣдай простору небесному
Повѣсть страданій земныхъ!

Ночью безгласною
Мѣдныя пусть не смолкають уста!
Голосомъ скорби на землю безмолвную
Вновь призови къ намъ Христа!

Колоколь, колоколь!
Ночью святою любовь къ намъ зови!
Пусть зазвучитъ надъ словами страданія
Слово святое любви!

Премудрый и преблагий.

Разсказъ Жюля Леметра.

Старая Сефора жила въ деревнѣ Виолесмъ. Она существовала на доходы, получаемые ею со стада козъ и сада со смоковницами.

Въ молодости она жила служанкой у священника, поэтому была болѣе свѣдуща въ религиозныхъ вещахъ, чѣмъ другія дѣвушки ея сословія.

Возвратившись домой въ деревню, она вышла замужъ, нѣсколько разъ дѣлалась матерью, лишилась мужа и дѣтей. И тогда она, стараясь по мѣрѣ возможности быть полезной людямъ, отдала болѣшую долю любви своей животнымъ. Она приручала птицъ и мышей, подбирала брошенныхъ собакъ и измученныхъ кошекъ, и весь ея маленький домикъ былъ наполненъ этими искренними друзьями.

Она любила животныхъ не только за ихъ невинность, за ихъ привязанность къ тѣмъ, кто ихъ любитъ, и за ихъ несравненное довѣріе, но и потому, что въ ней жила сильная потребность къ справедливости.

Она не постигала, зачѣмъ страдаютъ тѣ, которые не могутъ быть ни злыми, ни нарушать невѣдомаго имъ закона.

Страданія людей она объясняла себѣ, какъ умѣла. Обученная священникомъ, она не вѣрила въ то, что все кончается мирнымъ покоемъ Нирваны, ни въ то, что Мессія придетъ только для того, чтобы возстановить земную власть Израиля. «Царство Божіе» — означало господство справедливости за гробомъ. Ей казалось яснымъ, что въ томъ невѣдомомъ мірѣ заслуженное страданіе бываетъ исполненіемъ. Что же касается незаслуженныхъ страданій и безполезныхъ (какъ страданія дѣтей и нѣкоторыхъ несчастныхъ людей, грѣшившихъ очень немного), то на нихъ нужно смотрѣть, какъ на дурной сонъ, который вознаградится количествомъ блаженства, во всякомъ случаѣ, равнымъ страданіямъ.

Но страдающія животныя? Тѣ, что умираютъ медленною смертью отъ жестокихъ болѣзней, какъ и люди, и при этомъ смотрятъ на васъ своими добрыми глазами? Страданія собакъ, напримѣръ, любовь которыхъ не всегда принимается, или страданія собакъ, терпящихъ своего господина, которому были преданы и который не менѣе ихъ горюетъ объ ихъ утратѣ? Страданія лошадей, вся долгая жизнь которыхъ состоитъ только изъ ряда мучительныхъ напряженій и утомленій подъ ударами кнута и даже самый отдыхъ которыхъ безотраденъ во мракѣ тѣсныхъ конюшенъ? А страданія плѣнныхъ пернатыхъ, изнывающихъ въ тоскѣ въ своихъ клеткахъ? А страданія тѣхъ несчастныхъ, жизнь которыхъ состоитъ только въ безисходномъ мученіи и которые даже лишены голоса, чтобы выразить то, что они переносятъ, или чтобы имѣть возможность облегчить свои страданія проклятіями? Къ чему ведутъ ихъ страданія? Что они искупаютъ? И какая ихъ можетъ ждать за это награда?..

Сефора была старуха простая, но такъ какъ она искренно жаждала справедливости, то вопросы эти не разъ волновали ея сердце, и дума о необъяснимомъ злѣ омрачала для нея красоту дня и превосходныя краски долинъ Іудеи.

Когда сосѣди пришли сказать ей: «Родился Мессія; прошлою ночью насъ о томъ извѣстилъ ангель. Онъ находится въ пещерѣ, вмѣстѣ со своею Матерью, всего четверть часа отсюда; мы уже ходили поклониться Ему!» — старая Сефора отвѣтила:

— Посмотримъ.

У нея была своя мысль.

Вечеромъ, убравъ козъ, насыпавъ корму другимъ своимъ животнымъ и приласкавъ ихъ всѣхъ по очереди, она отправилась въ путь къ чудесной пещерѣ.

... Въ очарованіи голубой ночи, долины, утесы, деревья, былинки и травки казались застывшими отъ блаженства. Можно было сказать, что все земное отдыхало въ упоеніи. Но старая Сефора не забывала, что даже и въ этотъ часъ несправедливая природа продолжала творить вещи, уничтожающія вѣру во всякое воздаяніе въ будущемъ. Она не забывала, что даже въ этотъ часъ въ обширномъ мірѣ больные, не сдѣлавшіе никакого зла, томилась и изнывали въ смертельной тоскѣ на своихъ постеляхъ, что на дорогахъ душили путешественниковъ, что людей мучили такіе же люди, какъ они, что матери рыдали надъ трупами своихъ малютокъ — и животныя невыразимо страдали невѣдомо за что...

Она увидѣла передъ собою нѣжный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, такой яркій свѣтъ, передъ которымъ блѣднѣлъ даже свѣтъ луны. Свѣтъ этотъ выходилъ изъ пещеры, образовавшейся въ большой скалѣ.

У самаго входа въ пещеру спали, согнувъ колѣни, верблюды, расположившись среди нагроможденныхъ рѣвныхъ и расписанныхъ сосудовъ, фруктовыхъ корзинъ, развернутыхъ тяжелыхъ ко-

вровъ и полуоткрытыхъ ящичковъ, въ которыхъ дивно сверкали драгоценныя камни.

— Что это значитъ? — спросила старуха.

— Это прибыли цари, — возразилъ ей кто-то.

— Цари? — повторила Сефора, сдвинувъ брови.

Она вошла въ пещеру, гдѣ увидѣла Младенца въ ясляхъ, между Иосифомъ и Марією, окруженнаго тремя парями Востока, пастухами и земледѣльцами съ ихъ женами и дѣтьми; въ одномъ изъ угловъ пещеры она увидѣла осла и быка.

— Подождемъ! — сказала она про себя.

Три царя Востока приблизились къ Младенцу, а пастухи почти-тельно уступили имъ дорогу. Но Младенецъ знакомъ велѣлъ подойти пастухамъ.

Старая Сефора стояла неподвижно.

Младенецъ положилъ свою маленькую руку сначала на головы женъ и дочерей, потому что онѣ добрыя и страдаютъ болѣе, затѣмъ и на головы мужчинъ и мальчиковъ.

Марія же сказала имъ:

— Терпите! Онъ васъ любитъ и пришелъ страдать вмѣстѣ съ вами.

Послѣ этого блѣлый царь подумалъ, что настала его очередь подойти къ Младенцу. Но Младенецъ нѣжнымъ жестомъ подозвалъ къ себѣ сперва чернаго царя, потомъ желтаго.

Черный царь, съ короткими, крѣпко заплетенными и лоснящимися отъ масла, волосами, улыбаясь во весь ротъ, принесъ въ даръ Новорожденному ожерелье изъ рыбьихъ костей, разноцвѣтные камешки, финики и кокосовыя орѣхи.

Марія же сказала ему:

— Ты не золь, но ты ничего не знаешь. Постарайся объяснить себѣ, чѣмъ бы ты былъ, если бы не былъ царемъ страны своей. Не ѣшь больше людей и не бей своихъ подданныхъ.

Желтый царь, съ косыми глазами, принесъ куски шелковой матеріи, вышитыя фигурами, вазы, на эмали которыхъ, какъ будто, застыли лучи луннаго свѣта, глобусъ изъ слоновой кости, искусно разрисованный и представляющій твердь небесную со всѣми планетами и всѣми сотворенными животными, а также мѣшки съ чаемъ, собраннымъ съ лучшихъ кустовъ и въ лучшее время года.

И Марія сказала ему:

— Не скрывайся болѣе отъ своего народа. Не думай, что вся мудрость живетъ только въ тебѣ и твоёмъ племени. И позаботься о тѣхъ, которые ѣдятъ одинъ плохой рисъ.

Блѣлый царь, въ воинскихъ доспѣхахъ, преподнесъ Младенцу изящныя издѣлія изъ серебра и золота, оружіе съ рѣзьбой, статуэтки, изображающія прекраснѣйшихъ женщинъ, и красныя футлирчики, содержавшія рукописи мудреца, котораго звали Платономъ.

Марія сказала ему:

— Не веди несправедливыхъ войнъ. Бойся наслажденій, ожесточающихъ сердце. Издай справедливыя законы и вѣрь, что какъ для всѣхъ, такъ и для тебя самого, необходимо, чтобы никого въ твоёмъ царствѣ не обижали.

И послѣ пастуховъ и земледѣльцевъ Младенецъ благословилъ царей, въ томъ же порядкѣ, въ какомъ позвалъ ихъ.

Старая Сефора размышляла:

«Порядокъ этотъ благоразуменъ. Младенецъ началъ съ тѣхъ, которымъ болѣе всего нужно было Его пришествіе. Онъ ясно даетъ понять, что заботится о справедливости и возстановитъ ея могущество, какъ на этомъ, такъ и на томъ свѣтѣ... А Его Мать говорила весьма мудро. Между тѣмъ, Онъ думаетъ не обо всемъ. Что сдѣлалъ Онъ для животныхъ?»

Но Марія угадала ея мысли. Она обратилась къ Младенцу, и Младенецъ повернулся въ сторону осла и быка.

Оселъ, худой и шелудивый, и быкъ, жирный, но унылый, приблизились къ яслямъ и обнюхали Иисуса.

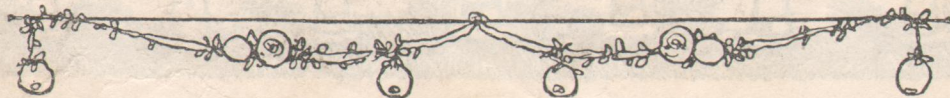
Младенецъ положилъ одну руку на носъ быка, а другой тихонько сжалъ ухо осла.

И быкъ, какъ будто, улыбнулся, а на глазахъ у осла блеснули двѣ слезинки, исчезнувшія въ его жесткой шерсти.

Въ это же время тихо вошелъ одинъ изъ лежавшихъ передъ пещерою верблюдовъ и доверчиво протянулъ Младенцу свою голову.

Старая Сефора поняла, что это означало. Есть, стало-быть, рай и для страдающихъ животныхъ!..

И она приблизилась къ Младенцу.

Въ сочельникъ.

(Изъ Теодора Шторма).

По городу чужому я шагаль,
Подхваченный веселою толпою;
Въ свой домъ, къ семьѣ, переносясь мечтою,
Я ничего кругомъ не замѣчалъ.
Въ рождественскій сочельникъ это было.
Вдругъ прозвучалъ осипшій голосокъ:
„Купите!“—и какой-то дустячокъ
Мнѣ худенькая ручка предложила.
Я вздрогнулъ. И при свѣтѣ фонаря
Лишь блѣдный дѣтскій обликъ на мгновенье
Мелькнулъ передо мною, какъ видѣнье;
Но только и успѣлъ примѣтить я.

Ускорилъ я шаги. А мнѣ вдогонку
Молящій голосокъ, уже сверхъ силъ,—
„Купите!“—все безъ умолку твердилъ;
Однако-же никто не внялъ ребенку.
Отъ спѣшки ли, изъ ложнаго-ль стыда,
Откликнуться на зовъ я не рѣшился;
Когда же напоследокъ спохватился—
По вѣтру онъ разнесся безъ слѣда.
И сердце вдругъ заняло такъ тоскливо,
Какъ будто мой ребенокъ тамъ сидѣлъ,
Просилъна хлѣбъ, и мнѣ въ лицо глядѣлъ,
А я бѣжалъ,—какъ воръ, бѣжалъ трусливо...

В. С. Лихачевъ.

ВИБЛЮГРАФІЯ.

Въ праздникъ Рождества съ какимъ-то особымъ чувствомъ святости и благоговѣйнаго интереса смотреть люди на небо. Усеянное мириадами звѣздъ, оно какъ бы глядитъ безчисленными свѣтлыми очами въ душу земли. На такомъ же небѣ двадцать вѣковъ тому назадъ заблистала и повела святая звѣзда съ Востока, возвѣстившая рожденіе Спасителя, и прозрѣло небо, когда среди мириадъ очей его возгорѣлась эта звѣзда, и поняла земля небо.

Какъ часто, какъ много посмотримъ мы въ небо, но какъ рѣдко и сколь немногимъ изъ насъ „звѣздная книга ясна“. Пытливому уму нуженъ своего рода „путеводитель по небу“, который покажетъ бы и объяснитъ бы, подобно тому, какъ на землѣ, все особенно выдающееся, яркое на небѣ; необходимъ особый „звѣздный атласъ“, такого же рода, какъ атласъ земли, который „дастъ бы наглядную картину свода небеснаго съ точнымъ, яснымъ обозначеніемъ каждаго свѣтила.

И такого рода „Путеводителемъ по небу“ и „Звѣзднымъ атласомъ“ обогатилъ нашу науку молодой, талантливый астрономъ К. Д. Покровскій (въ юрьевскомъ университетѣ). „Путеводитель“ (съ 5 картами звѣзднаго неба, картой луны, двумя хромолитографиями—картой Марса и полного луннаго затмения и 104 рис.—стоитъ 2 руб., съ перес. 2 р. 50 к.) вышелъ уже вторымъ изданіемъ, а „Звѣздный атласъ“ изданъ только-что, передъ самымъ Рождествомъ, и представляетъ собой очень полезное и изящное изданіе (изд. А. Ф. Маркса. Цѣна 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.). Закладывая въ себѣ 13 картъ, двѣ таблицы, 15 стѣбокъ съ объяснительнымъ текстомъ и 5 рисунками-изображеніями созвѣздіи, „Звѣздный атласъ“ является дополненіемъ къ „Путеводителю по небу“, но въ то же время имѣетъ важное самостоятельное значеніе для многихъ, любящихъ сознательно въ небо смотреть—для цѣлаго ряда астрономовъ-любителей, какъ пособіе для организаціи систематическихъ наблюденій различнаго рода астрономическихъ явленій. „Плохъ тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ“—плохъ тотъ астрономъ, хотя бы и любитель, который не надѣялся бы открыть новую комету. Такіе случаи были, и очень характерные. Въ 1826 г. австрійскій консулъ

Берта Зуттнеръ, известная нѣмецкая писательница, удостоенная премии Нобеля за идеи въ пользу мира, проповѣдуемые ею въ своемъ знаменитомъ романѣ „Долой оружіе“ и въ цѣломъ рядѣ рѣчей и воззваній.

Биелла открылъ свою знаменитую комету, въ 1845 г. почтовый чиновникъ Генке открылъ нитую малую планету, аптекарь Швабе открылъ періодическія измѣненія пятенъ на дискѣ солнца, нѣсколько лѣтъ тому назадъ у насъ, въ Россіи, одинъ гимназистъ открылъ новое свѣтило, и все это при самой скромной обстановкѣ, безъ особыхъ астрономическихъ приспособленій.

Но есть цѣлый рядъ явленій, которые доступны наблюденію даже безъ зрительной трубы, простымъ глазомъ. Для нанесенія всѣхъ этихъ разрозненныхъ наблюденій имѣются въ атласѣ спеціальныя частныя сѣтки (до долей градуса), и изъ этой массы разныхъ наблюденій составится стройное цѣлое—весьма цѣнный матеріалъ для науки.

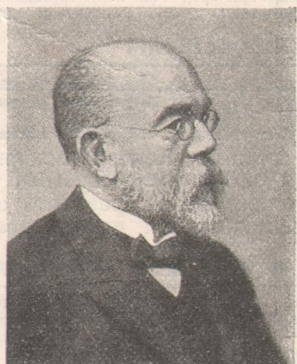
Календари.

Книга у насъ—будь то разсказъ, учебникъ, календарь, азбука, листовка,—завоевывая съ каждымъ годомъ все болѣе широкій кругъ читателей въ народѣ, облагораживается, становится опрятнѣе, даже дѣлается изящной. Расширяющійся спросъ даетъ возможность съ выгодой затрачивать большія средства на такія изданія, да и съ развивающимся вкусомъ приходится считаться. Замѣтна эта побѣда вкуса и на календаряхъ. Какіхъ-нибудь 10 лѣтъ тому назадъ это была стопка грязно отпечатанныхъ скучныхъ листовокъ съ цифрами, наклеенныхъ на аляповатую цвѣтную папку, и стоили они сравнительно дорого. Большая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ извѣстной фирмѣ „Отто Кирхнеръ“ въ С.-Петербургѣ. Она стала издавать изящные календари, прочные, толково и интересно составленные и весьма дешевые.

Съ каждымъ годомъ фирма вырабатываетъ все новыя и новыя типы отрывныхъ, записныхъ, передвижныхъ календарей, дневниковъ, табелей, ежедневниковъ, еженедѣльниковъ, ежемѣсячниковъ и т. д. Довольно сказать, что однихъ отрывныхъ календарей фирмы болѣе 300 типовъ; при этомъ предусматриваются всякіе вкусы—и дамы, и бабыши, и подростка-учащагося, и дѣтскаго человѣка; соответственно тому отличается и внѣшняя отдѣлка, но все они очень дешевы; въ нынѣшнемъ году цѣны еще понижены на 15—20 процентовъ.

Генрикъ Сенкевичъ (по литературѣ).

Знаменитый бактериологъ проф. Робертъ Кохъ (по медицинѣ).

Мюнхенскій профессоръ Бейеръ (по химіи).

Кильскій профессоръ Филиппъ Ленаръ (по физикѣ).

Новое присужденіе премии Нобеля, въ Стокгольмѣ. Удостоенные премии.

Новое издание А. Ф. МАРКСА:
ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

Полное собрание
сочинений

И. В. ОМУЛЕВСКАГО.

Н. К. Арсеньевъ, гласн. петерб. губ. зем. и думы, известный писатель.

Н. Н. Баженовъ, известный психиатръ, гласный харьков. губ. зем.

Кн. В. М. Голицынъ, бывший московский городской голова.

О. А. Головинъ, предсѣдат. моск. губ. земской управы.

А. И. Гучковъ, гласный московской думы.

Н. В. Давыдовъ, прив.-доц. коск. унив., предсѣд. моск. окр. суда.

Кн. П. Д. Долгоруковъ, гласный москов. губ. земства.

Н. А. Каблуковъ, прив.-доц. моск. унив., гласн. моск. губ. зем. собр. и членъ губ. земск. управы.

О. О. Кокешкинъ, прив.-доц. моск. унив., гласный моск. губ. земства.

М. Г. Комиссаровъ, владим. губ. гласный.

М. В. Красовскій, предс. петерб. думы.

Проф. военно-юрид. ак. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, гласн. тверск. губ.

С. А. Муромцевъ, гласный моск. губ. земства.

А. О. Немировскій, саратов. городской голова.

И. И. Поповъ, гласный иркутской городской думы.

Я. В. де-Роберти, гласн. тверск. губ.

Н. О. Рихтеръ, предсѣд. моск. уѣздн. земск. управы.

М. А. Стаховичъ, орлов. губ. предводитель дворянства.

Кн. П. Н. Трубецкой, моск. предводитель дворянства.

Д. Н. Шиповъ, бывш. уполном. общеземск. организ. на войнѣ.

Земскіе и городскіе дѣятели.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Во избѣжаніе замедленія въ полученіи первыхъ №№ журнала, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ возобновить подписку на „Ниву“ 1906 года заблаговременно, такъ какъ въ концѣ года, при значительномъ скопленіи требованій, Контора едва успѣваетъ печатать и провѣрять огромное количество адресовъ для иногородныхъ подписчиковъ, а городская почта въ послѣдніе дни передъ праздниками принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ.

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Свиданіе. Очеркъ И. Н. Потапенко. — Человѣкъ, потерявшій сердце. Рождественская сказка Г. Т. Сѣверцева (Полидова). — Вѣтви елки. Стих. князя Ф. Косаткина-Ростовскаго. — Веня. Рождественскій разсказъ В. Евстафьевой. — Сонъ звѣзды. Стихотвореніе Б. П. Никонова. — Молитва колокола. Стихотвореніе Георгія Аркатова. — Премудрый и Преблагій. — Въ сочельникъ. Стих. В. С. Лихачева. — Библиографія. — Объявленія. Р И С У Н К И: Въ святую ночь. — Ночь на Рождество. — Сошествіе во адъ. — Новое присужденіе преміи Нобеля въ Стокгольмѣ. Удостоенные преміи: 1) Берта Зуттнеръ. 2) Генрихъ Сенкевичъ. 3) Профессоръ Робертъ Кохъ. 4) Профессоръ Бейеръ. 5) Профессоръ Филиппъ Ленаръ. — Земскіе и городскіе дѣятели: 1) К. К. Арсеньевъ. 2) Н. Н. Баженовъ. 3) Кн. В. М. Голицынъ. 4) О. А. Головинъ. 5) А. И. Гучковъ. 6) Н. В. Давыдовъ. 7) Кн. П. Д. Долгоруковъ. 8) Н. А. Каблуковъ. 9) О. О. Кокешкинъ. 10) М. Г. Комиссаровъ. 11) М. В. Красовскій. 12) Проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. 13) С. А. Муромцевъ. 14) А. О. Немировскій. 15) И. И. Поповъ. 16) Я. В. де-Роберти. 17) Н. О. Рихтеръ. 18) М. А. Стаховичъ. 19) Кн. П. Н. Трубецкой. 20) Д. Н. Шиповъ.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. К. Шеллера-Михайлова“ книга 49.

Редакторъ-издат. **Л. Ф. Марксъ.**

Редакторъ **В. Я. Свѣтловъ.**

